

Любая форма террора – акт против человечности

Ханс-Вольфф Граф

Перевод с немецкого М.Назаровой

Скажу сразу: „террор“ и „терроризм“ не был изобретен ни Соединенными Штатами Америки, ни еще каким-либо государством, народом или нацией. С точки зрения этимологии понятие происходит от латинского слова „*terror*“ (*страх, испуг*), при использовании которого осуществляется попытка принудить третье лицо к чему-либо, что человек не в состоянии достичь цивилизованным путем – путем переговоров, убеждения, обмена. В принципе, это может быть сведено к следующему: террор как таковой – это акт беспомощности, то есть яркое доказательство слабости. При этом террор, используемый одной стороной (будь то отдельный человек или группа/государство) в отношении другой, вовсе не ограничивается физическим насилием: тот, кто использует террор, в отдельных случаях применяет физические (государство, например, - военные), а также эмоциональные средства, угрожает неприятными последствиями и наказаниями, чтобы достичь своей цели при необходимости и за счет принуждения. Идет ли при этом речь о человеке, угрожающем другому насилием, чтобы завладеть его кошельком, или о **Джордже Буше**, грозящем Ирану „серьезными последствиями“ (в случае, если он не откажется от своей ядерной программы), в принципе одно и то же. Но и отец, пытающийся „образумить“ своего ребенка при помощи побоев или грозящий оставить его без еды, тем самым применяет террор по отношению к более слабому. Чаще всего не осознается (по крайней мере, недооценивается) и то, что обещание исключить из сообщества, к которому человек стремится принадлежать и защиты которого он ищет, может вызвать у него страхи. Этими средствами – лишение любви, разжигание страхов быть покинутым, потеря рабочего места и т.п. - люди и социальные сообщества различных размеров и масти (семья, офис, фирма, профсоюз, партия) пользуются, чтобы сломить волю индивидуума, сохранить системный порядок, заблокировать предложения (и слишком новые идеи) и пресечь представляющие угрозу изменения, то есть отклонения от до сих пор действующей нормы. При помощи средств террора одна сторона, таким образом, заботится о своей (якобы находящейся под угрозой) выгоде, не обращая внимания на интересы другой стороны.

Теперь можно было бы возразить, что угроза в отношении другого является прямо-таки „законом природы“: лев, к улову которого слишком дерзко приближаются гиены, тоже грозит им физическим насилием. На это стоит, однако, ответить, что „обусловленное природой насилие“ в принципе не представляет собой террор: ведь когда голод льва будет утолен (о чем он, кстати, сигнализирует при помощи языка тела), его больше совершенно не тревожит, если гиены, сами менее пригодные к охоте, нагло набрасываются на остатки добычи. Это значит, что вовсе не любая форма проявления насилия сама по себе является террором; напротив же, любой вид террора связан с насилием, даже если оно используется лишь теоретически, то есть только обещается.

К тому же при вопросе, когда насилие уместно, добавляется вовсе не маловажный отличительный признак: человеческий мозг – вот то, что позволяет нам

(по крайней мере, теоретически) реализовывать свои права индивидуума не только при помощи насилия, но, прежде всего, без применения каких-либо средств террора.

Другими словами: хотя защита собственных прав заставляет нас порой применять насилие, *террором* оно становится лишь тогда, когда я пренебрегаю правами (на защиту) третьего лица и пытаюсь заставить его отказаться от этих прав, чтобы тем самым получить дополнительную выгоду/прибыль.

Следующий аспект: террор возникает от нехватки интеллекта (в смысле неспособности придумать альтернативный подход). Тот, кто применяет террор, либо слишком ленив, либо не способен достичь цели при помощи собственного разума. В соответствии с этим он использует свое превосходство (например, физическое - как грабитель или даже насильник), чтобы при помощи террора принудить к тому, что на добровольной основе ему было бы запрещено и недоступно. Так, мужественный, уверенный в себе мужчина никогда не станет насильником: он либо пойдет на честную меновую торговлю и заплатит за посещение борделя, либо будет работать над своей социальной компетентностью и коммуникабельностью, чтобы с радостью сблизиться с объектом своего вожеления – без применения террора и при соблюдении и уважении всех прав другого индивидуума. О психологических аспектах и психопатологических причинах применения террора я еще расскажу в дальнейшем.

Но и родители, которые противостоят ребенку, исследующему свои индивидуальные границы (и при этом порой действующему отцу и матери на нервы), при помощи грозящей наказанием командной власти, так как это удобнее, чем давать объяснения, вызывают тем самым у ребенка страх и ужас (это как раз и есть *террор*). Понимание взаимосвязей, эффект осмысленного обучения, заключающийся в том, что ребенок осознает смысл запрета или альтернативного варианта и принимает его, может возникать лишь из объяснений, которые как раз требуют времени и подходящего для ребенка подхода к проблеме. Хотя ребенок (в физическом плане уступающий и материально и душевно полностью зависимый) вынужден покоряться „праву более сильного“ (и его террору), глубоко в его душе это оставляет рану, которая без дополнительного объяснения никогда полностью не заживет, и шрамы от которой когда-нибудь могут снова вскрыться – а именно тогда, когда этот ребенок сам станет более сильным и будет обращаться с другими (тогда уже более слабыми) при помощи тех же средств, которые он ощутил на себе.

И вот мы подходим к сути зла „террор“, а именно к вопросу: „За счет чего, собственно, человек становится террористом, если речь при этом - совершенно очевидно - идет об образце поведения, который не только не *естественен* (в первоначальном значении слова), но и не является средством, подходящим для решения проблемы на продолжительное время?“

Террор определяется как сумма фиктивных страхов (страхов боли, страхов не справиться и страхов потери), которые закрепляются в нас уже во время первичной социализации. Если эти мнимые/фиктивные страхи не снабжаются объяснениями и таким образом не исчезают, то мы переживаем их пассивно в последующих, более крупных социумах, в которых мы растем, становясь подростками и позже взрослыми, и используем их активно в отношении третьих лиц, чтобы навязать другому нашу волю и наши убеждения. Тем самым мы, однако, попираем всякую естественную человечность и нашу основополагающую этику – без разницы, за счет чего

применение террора с *моральной* точки зрения (государство, религия, политкорректность и т.п.) якобы оправдывается.

Как уже было упомянуто, применение террора не является естественной формой поведения: только человек использует террор как средство для получения собственной выгоды и при осознанном пренебрежении правами третьих лиц.

Террор имеет в нашей жизни долгую традицию. Она восходит к дням нашего детства, то есть к стадии *первичной социализации* – к самой маленькой форме социума, которую мы называем *семьей*. Террор или страх испытать на себе террор, чувствовать себя терроризируемым в своей малости и слабости и быть подверженным этому террору, не имея возможности защититься от него, - все это представляет собой одно из самых травматических переживаний нашего детства. И здесь на хорошем примере можно объяснить, в чем заключается различие между (естественным) испугом и (противоестественным) террором: каждому ребенку определенные события – громкое хлопанье дверью, молния и гром, яростный лай собаки – внушают страх. Если он получает объяснение этому со стороны родителей, то он сможет переработать этот страх – без душевных рубцов, именно потому, что он понял, что его испугало. Если же ребенка без объяснений оставляют один на один с этим испугом или даже используют внушающий страх момент в качестве грозящего наказания, то именно эта угроза приводит к закреплению испуга: естественное событие становится латентной угрозой, естественный испуг разрастается до постоянно удерживаемого в голове *фиктивного* страха.

Нередко родители используют подобные моменты испуга, чтобы урезонить слишком темпераментных и креативных детей, не задумываясь о том, какой огромный вред они тем самым могут причинить.

Таким же образом воздействует постоянная угроза побоями, лишением еды и сна, домашним арестом в темной комнате и категорическим отказом разговаривать, разрушающим любовь и человеческое тепло, со стороны родителей. Боязнь физической или эмоциональной боли может нанести еще юной душе глубокие раны, и как и при любой ране, за которой заботливо не ухаживают и которая поэтому не может зажить без рубцов, постоянно повторяющаяся угроза действует тогда все больше как долговечный страх (пусть даже и *фиктивный*), то есть как раз как террор.

Воспитание, переплетенное подобными моментами страха, может иметь для родителей то преимущество, что ребенка будет удобнее контролировать и приучать к дисциплине, однако, тем самым, родители закладывают основу для того, что их ребенок станет трусом и тихоней, будет воздерживаться от естественной креативности и любопытства и позже станет приспособленным попутчиком. Кроме того, так развивается и „*подверженность террору*“, которая в последующей взрослой жизни будет делать его легкой жертвой терроризма любого вида. Либо – как альтернатива – он сам учится этим механизмам и перенимает их, чтобы затем в свою очередь применять их.

Так, совершенно между прочим ребенок узнает, взрослея на второй ступени социальности (расширенный круг семьи, соседи), что такие на долгое время закрепленные страхи, очевидно, просто относятся к самой жизни. Он видит страхи взрослых перед болезнью и безработицей, несчастными случаями и нападениями, войной и смертью; момент испуга приобретает перманентность. Все больше и больше в сознание ребенка/подростка врезается убежденность, что жизнь в целом – это последовательность опасностей, угроз и болезненных мгновений. Собственно

естественный и стимулирующий наше становление и рост мир все больше сжимается и сгущается до перманентной опасной зоны.

При педагогически качественном наблюдении родители замечают это и могут при помощи бесед, а прежде всего, благодаря собственному положительному примеру рано и своевременно пресечь зарождающийся „страх перед жизнью“. Если же родители слишком заняты своими страхами и облегчают себе жизнь, то у них отсутствует видение этого педагогически важного аспекта воспитания. Но при этом они не замечают, что именно в раннем детстве у малыша еще отсутствует какая-либо возможность интеллектуально и эмоционально разобраться с этими угрозами. Именно маленькие дети сначала инстинктивно подражают всему, что демонстрирует им своим примером их окружающий мир. Особенно родители, самые ранние референтные лица ребенка, играют при этом решающую роль. Сюда же добавляются подпитывающее эту проблему, ежедневно переживаемое воздействие СМИ – фильмы о войнах и фильмы ужасов, изобилующие насилием сообщения, киллер-игры.

Поэтому то, вступит ли ребенок (и в какой мере) в свою юность боязливым и запуганным или с детства научится шагать по жизни с интересом, любопытством и жизнерадостностью, определяется уже в раннем детстве.

Запуганные дети становятся запуганными подростками. Тем самым, они продолжают жить наследием своего детства и его содержанием. Ребенок, „снаряженный“ здоровой жизнерадостностью и естественным обращением с преимуществами и недостатками различных форм поведения, в юности не так быстро становится жертвой террора и запугивания. Его естественная система предупреждения позволяет ему быстрее распознать опасности, и он скорее научится избегать их, чем станет наивной жертвой клик и плохого обращения. Доверие, которое в детстве не использовали, а питали, сделает ребенка и в подростковом возрасте способным к тому, чтобы интересоваться новым, но при этом и критически разбираться с ним. В естественной гомогенности он будет осваиваться во всех последующих, более крупных социумах (школа, окружение, профессия), размышлять над новыми впечатлениями и переживаниями и беседовать о них, открывать общности и противоречия и бесстрашно справляться с ними.

Конечно, он также постигнет болезни и несчастные случаи как неизбежные события в жизни – но, опять же, без страха. Он будет испытывать *сочувствие* к пострадавшим, а не впадать в *сострадание*, снова открывая для себя собственные, погребенные в глубине воспоминаний страхи и пугаясь их. Он будет поступать осторожно, при этом не подходя к новому и неизвестному переполненным страхом. И он будет сохранять свое естественное любопытство, свой интерес ко всему иному, чужим культурам и формам жизни, стремясь поближе познакомиться с ними и понять их.

Вывод I: Таким образом, основы для того, будем ли мы в последующей жизни подходить к встречающимся нам различиям в профессии и жизни с предрассудками и враждебностью или будем пытаться с большим интересом и естественным любопытством познать их, закладываются уже в нашем детстве. В той же мере уже в детстве закладывается и то, будем ли мы позволять легко испугать и запугать себя. Ребенок, не подвергаемый террору, позже и сам не будет прибегать к средствам террора, чтобы тем самым получить выгоду, которой якобы другим способом не добиться.

Террор на религиозном и государственном уровне

Преднамеренное использование фиктивных страхов вовсе не ограничивается отношениями отдельных людей друг с другом: фиктивными страхами людей пользуются и организации, чтобы как можно более всеобъемлюще и эффективно брать людей в их МыслеЧувствоДействии под опеку и удерживать в этом состоянии.

Так, каждая религия живет за счет того, что, с одной стороны, втягивает своих членов (и потенциальных новых) в круг жизненных и поведенческих предписаний, охватывающих по возможности все сферы жизненных интересов, и, с другой стороны, предлагает каталог обещаний на случай, если эти правила будут соблюдаться, или держит наготове список угроз, терроризирующий того, кто нарушает эти „божественные“ заповеди. Именно отсюда религии генерируют свою власть и влияние. Их низы, иерархически тщательно упорядоченные и натренированные как организация структурного сбыта, великолепно играют при этом на клавиатуре субтильных страхов (болезнь, эпидемии, голод, смерть, а прежде всего, обещание „вечного страдания без избавления“ в ином мире, при описании которого они заявляют претензию на исключительное знание). Одновременно эти заместники соответствующего бога на земле предлагают себя в роли благосклонных посредников для радостной жизни и посмертного блаженства. Единственным условием для этого является беспрекословное принятие каталога их правил, имеющего, конечно же, божественное происхождение и крайне креативным способом нашедшего свой путь к нам, людям.

При помощи этих угрожающих декораций каталога наказаний и вознаграждений соответствующая религия укрепляет свою систему, не дает своим членам уклониться в сторону и наслаждается своими привилегиями (особенно в Германии). Таким образом, сама система основывается на дезинформации, глумящейся над любым видом просвещения, уклоняющейся от какой-либо проверки – как раз при помощи аппелирующего к страхам террора. А так как мы по определению „все до единого грешники“, каждый ежедневно многократно нарушает „божественную заповедь“ - уже эта фраза граничит с ересью и должна была бы сулить автору декады заточения в темноте с серными испарениями и прочими невзгодами.

В рамках этой идеологической системы террора религии, эгоцентрично и нетерпимо отгораживаясь от любой другой религиозной террористической системы, вели/ведут войны, завоевывали/-ют страны и целые континенты, эксплуатировали/-уют своими налоговыми законами и налогообложением население, чтобы повсеместно возводить дома господни, назначать заместников и накапливать богатства. Там, где это было возможно, религии без проблем приходили к соглашению с деспотами и диктаторами, князьями и императорами, сегодня - с государственными формами всех мастей, оружие которых они благословляют, армии сопровождают, а законы санкционируют. Не удивительно, что светские вельможи всегда искали близости с самой сильной религией, чтобы обеспечить свою власть при помощи ее поддержки еще и божественно. Тот, кто возражал против этого закона, в течение короткого времени терял свою власть. Таким образом, государство и религия, имея общие интересы, постоянно находились на одной из двух сторон полезного сотрудничества.

Сакральному террору ни в чем не уступает светский террор, ранее осуществлявшийся божественными императорами и фараонами, позже – князьями и королями („по милости божьей“!), сегодня – более или менее недемократическими правительствами. Официально всегда действующая на благо народа („социально“) и на религиозной основе („христианской“, „мусульманской“, „индуистской“), та или

иная светская элита господствует при помощи широкоохватного, по возможности непроницаемого плотного каталога законов и предписаний, который, с одной стороны, якобы обеспечивает и гарантирует благо и безопасность индивидуума, а, с другой стороны, с недоверием регистрирует или пытается запретить под страхом наказания любую инакость, любое отклонение от административно установленной системы. Узость этого каталога законов и создание образов врага (в отношении других государств, внутренних врагов и якобы грозящих опасностей повседневности) укрепляет и обеспечивает власть соответствующего государства и/или управляющей им „элиты“. Чем уже сеть предписаний и государственного вмешательства и контроля (все, конечно же, на благо граждан), тем менее свободно живет соответствующее население: нужно только соответствующим образом - при помощи эвфемизмов - преподносить ему это, что и является ключевой задачей соответствующих партий и их факельщиков.

Кроме того, государство содержит миллионную армию чиновников и служащих, системных носителей проникающих во все области семейной и трудовой жизни [публично-(не)правовых] организаций, опять же руководимых бесконечной заботой, которые согласно официальной трактовке служат исключительно защите населения от внешнего и внутреннего врага, а также „социальному уравниванию“. В действительности же оно лишает свое население самостоятельности, совершенно осознанно и преднамеренно делает его недееспособными и порождает тем самым – конечно, для многих очень удобную – зависимость, при помощи которой оно обеспечивает свое притязание на власть. Этой цели служат образы врага и угрожающие декорации всех видов: злое соседнее государство как возможный агрессор, угрозы окружающего мира, болезни и повседневные опасности жизни, последствия нездорового образа жизни и эксплуататорских условий труда, социальная несправедливость и находящаяся под угрозой старость – блестящее изобилие угрожающих моментов, ограничить и устранить которые надлежит только государству и его послушным слугам, а прежде всего, профессиональным политикам с их безграничной дальновидностью и мудростью. Эти subsystemы государства тоже пользуются каталогом предписаний и наказаний своего главного полководца, законодателя, хотя „шеф“ последнего (граждане как (официально) высший суверен) никогда не согласился бы с большей частью законов. Поэтому хотя официально о *демократии* болтают при любой предоставляющейся возможности, в реальности она не играет ни малейшей роли.

На руку государственной системе и плотное переплетение ее информационных сетей, а также обилие руководимых государством служб СМИ, которые задают политический курс, *“political correctness”*. Попытаться уклониться от опекающего и надзирающего государства опасно, так как юстиция является какой угодно, только не независимой: тому, кто помышляет о карьере судьи или прокурора, следует благоразумно выбирать нужное партийное членство и намеренно следовать „внутренним указаниям“.

В свете надлежащей ей (на самом деле: величественно подобающей) защитной функции правящая клика распоряжается войной и миром, вводом в действие армий и использованием миллиардов для поддержки „дружественных“ наций и финансирования диктаторов (в просторечии: помощь развивающимся странам). За счет огромных затрат она совершенствует государственную сеть контроля и надзора, издает дополнительные законы и распоряжения, содействует развитию всего, что служит на благо системы, и лишает свободы все то, что встает на ее пути. Дословно и в соответствии со смыслом стоило бы говорить о „партийной демократуре“.

"Борьба против террора" на самом деле является лишь последствием размежевания системы с инакомыслящими религиями, государствами и нациями (которые в свою очередь при помощи светского и религиозного терроризма также одурачивают и поработывают свое население интеллектуально и эмоционально), subtilным террором государства в отношении собственного населения, которое тем самым „легализует“ создание новых законов и мер, что помогает еще лучше сохранять власть, делает население еще более зависимым, а управленческую и информационную сеть еще более плотной.

Отсюда видно, какой цели на самом деле служат спецслужбы и находящаяся под замком информация – вовсе не на благо населения и его защиты, а исключительно для сохранения системы соответствующей политической клики. По меньшей мере здесь государство и, соответственно, сама его политическая „элита“ (далекая от понимания демократии) разоблачают себя как опасного террориста и с уголовно-правовой точки зрения как криминальное объединение.

Вывод II: террор исходит изначально не от отдельных людей. Это сакральные и светские системы умышленно и филигранно используют весь каталог фиктивных (и внушаемых как реальные) страхов, чтобы создавать образы врага, обеспечивать и увеличивать свою власть, а также для обороны от какого-либо иного мышления. При этом для религий и государств все средства хороши, даже нарушение закона и конституции, которые в крайнем случае „исцеляются“ при помощи „экстренных законов“, новых предписаний и тайных действий (спецслужб). За каждым терактом, который преподносится нам СМИ и политиками как таковой, стоит светская или религиозная организация, так как ни одному отдельно взятому человеку не придет в голову идея нападать на государство, другую нацию или чужое религиозное сообщество, если до этого он не был подвергнут соответствующему воздействию дезинформации, манипуляции и эмоциональной и интеллектуальной коррупции. Иначе тем самым он выступал бы против своей естественной этики.

Террор предполагает „благословение“ и обещание соответствующей награды со стороны стоящих за этим системных организаций. Идет ли при этом речь об орденах, титулах и постах или о вечном счастье среди девственниц (для одноразового использования) и бессмертной славе, первично не имеет значения. Основа того, позволяем ли мы вездесущему государству донимать себя, лишая себя самостоятельности и брать под опеку при помощи языка (*"политкорректность"*) и образа жизни, условий нашего трудового мира или при вопросах социального и пенсионного обеспечения, закладывается уже в раннем детстве и юности.

Задача педагогически качественного воспитания со стороны родителей и учителей должна, таким образом, заключаться в том, чтобы самим уклоняться от терроризма любого вида и своим примером демонстрировать ребенку/подростку резистентный по отношению к терроризму образ жизни. Только так дети/подростки разовьют тонкое чутье относительно того, что фальшиво, а что истинно, что является манипулятивным, а что мотивирующим, что корруптивно и что кооперативно. Только кто же научит этому самих родителей и воспитателей? Наша (опять же) государственная система „образования“?!?

Нет, об этом мы должны позаботиться сами, каких бы неудобств и сколько бы времени это не потребовало.